

The background of the book cover is a dark, atmospheric illustration of a man and a woman sitting at a table in a cafe. The man, on the left, is wearing a fedora and a dark suit, seen from the back. The woman, on the right, is wearing a black dress and a hat, looking towards the man. The scene is lit by warm, low-hanging pendant lamps. A window on the right shows a view of a city at night with lit buildings.

Питер
Чейни

УБИЙСТВО
С ИЗЮМИНКОЙ

« А З Б У К А »



Питер Чейни
Убийство с изюминкой
Серия «Классика
детектива. Большие книги»
Серия «Лемми Кошен»
Серия «Слим Каллаган»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74680911
Убийство с изюминкой. роман, повесть, рассказы: Азбука,
Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-34882-0*

Аннотация

Реджинальд Ивлин Питер Саутхаус-Чейни – британский писатель, работавший в жанре «hardboiled» («крутого») детектива, – стоит в одном ряду с его прославленными американскими коллегами и создателями этого жанра Дэшилом Хэмметом, Рэймондом Чандлером и Джеймсом Кейном.

План казался безупречным: обратиться к лучшему частному детективу в Англии, чтобы он помог избавиться от вдовы гангстера, поклявшейся отомстить за смерть мужа. Щедрый гонорар – две тысячи фунтов – заплачен вперед. Вот только еще никогда деньги не делали Слима Каллагана слишком доверчивым.

Содержание

Думали, у них есть алиби	6
Обоймы хватило на всех	15
Пока, герцогиня!	29
Ловко придумано	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Питер Чейни
Убийство с изюминкой
Мистер Коушен и
мистер Каллаган

© И. Б. Иванов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА



Думали, у них есть алиби

Лемми Коушен

Захожу в управление полиции и вижу О'Хагана. Он сидит за столом, вперившись в кучу бумаг. Сидит не молча, а отпуская такие словечки, что ребят из корпуса морской пехоты взяла бы оторопь. Услышав шаги, он поднимает глаза на меня:

— Ну почему я не федерал, а всего-навсего капитан полиции, который расследует простое до банальности преступление? Ты и парни с жетонами ФБР — моя головная боль. Ходите себе не напрягаетесь, и вид жутко умный. Сейчас я верну тебя на землю.

Он пододвигает ко мне бумаги.

Я сажусь напротив и закурываю.

— Что тебя гнетет, Терри? — спрашиваю я.

— Что меня гнетет? Да куча всего. Не далее как в минувшую полночь была совершена крупная кража в многоквартирном доме «Мэйбери». Кто-то спускается вниз и включает сирену пожарной тревоги.

— Так, уже интереснее, — усмехаюсь я.

— Слушай дальше. Естественно, в доме суматоха. Люди выскакивают кто в чем, не понимают, где горит, мучаются вопросом, спасти ли им своих жен или страховые полисы, а

тем временем некто проникает в одну из квартир и похищает десять тысяч долларов в облигациях на предъявителя. Из квартиры он спускается по пожарной лестнице и садится в машину, где его ждет дамочка. Вот такой расклад!

– Расклад ясен. Ты скажи, в чем затык?

Он кисло смотрит на меня, словно я задел его лучшие чувства.

– То-то и оно, Лемми, что ни в чем, если не считать одной мелочи. Мы знаем, кто провернул это ограбление. Сирену включил Вилли Пераччи. Облигации из квартиры забрал Френси по кличке Италияшка, а за рулем машины сидела его подружка Арабелла. Вот так. Но если мы предъявим им обвинения, они хором ответят, что у них есть алиби. Они начнут орать, что в тот момент находились в «Кегельбане Шрибнера». Есть такое злачное место в районе порта.

– Это как? – удивляюсь я.

– А так. Они все работают на Датча Сквиллу. Он перво-наперво заботится об алиби для своей шайки. Мы считаем, что ограбление подготавливалось не одну неделю. Теперь облигации переключают к Джейку Марелли, и он мигом превратит их в долларовые бумажки. Одно дело знать, кто виновен, и совсем другое – обоснованно предъявить обвинение этим ребятишкам. Вам, федералам, такие трудности неведомы.

– Не то слово, – отвечаю я. – Ты, поди, уже проверил, где вчера вечером находился сам Сквилла.

О’Хаган хмыкает:

– Сквилла – парень умный и осторожный. Он до одиннадцати вечера торчал в турецких банях, затем приехал к себе домой на Двадцатую улицу, залег спать и, наверное, дрыхнет до сих пор.

– Понятно. Кто-нибудь видел его после этого?

– Никто, – отвечает капитан полиции. – Знаю лишь, что из своей квартиры он не выходил.

– Послушай, О’Хаган, а где искать этих ребяташек, если мне захочется взглянуть на них? Где обычно ошиваются Вилли Пераччи, Френси-Итальяшка и его цыпочка Арабелла?

– Да все там же, в «Кегельбане Шрибнера», – зевая, отвечает О’Хаган. – Но если ты попытаешься взять их за жабры, они станут клясться и божиться, что в полночь находились в заведении. И еще человек двадцать подтвердят, что так оно и было. Понял?

Я встаю.

– Вот что, О’Хаган. Ты уж позволь мне использовать в этом деле мои методы. Сам пока ничего не предпринимай. Выдели мне пару полицейских и будь наготове. Возможно, я разгадаю эту загадку.

Он саркастически смеется:

– Ну да. Почтеннейшая публика, посмотрите, на что способен федерал. О’кей, я дам тебе пару ребят. Но когда ты вернешься, я еще не закончу смеяться.

Он нажимает кнопку звонка и велит дежурному привести

мне двух полицейских.

Садимся в желтое такси и едем на Двадцатую улицу в гости к Сквилле. По дороге парни рассказывают мне, что Датч Сквилла – крупная гангстерская шишка. Он управляет тремя отдельными шайками и держит их всех в ежовых рукавицах. По мнению полицейских, пятьдесят процентов от украденной вчера суммы он возьмет себе, а остальные распределит поровну между Пераччи, Френси, малышкой Арабеллой и ушлым Джейком Марелли, который должен обменивать облигации на наличные деньги. Оказывается, Марелли трется вблизи Сквиллы. Остальные его недолюбливают и считают жмотом, который при всяком удобном случае старается им недоплачивать.

Через десять минут мы уже стоим у двери квартиры Сквиллы. Нажимаю кнопку звонка. Шагов изнутри не слышно. Стучу в дверь кулаком – тот же результат. Возможно, Сквилла слишком крепко спит. Снова стучу, и, когда не получаю ответа, мы выламываем дверь. В спальне, у себя на кровати, лежит Сквилла. Одна рука свисает, касаясь пола.

Приехав в «Кегельбан Шрибнера», даром времени не теряем. С ходу задерживаем Вилли Пераччи, Френси и Арабеллу, ведем их в самый конец кегельбана, где у Шрибнера кабинет, и закрываем дверь. Все трое изображают удивление.

Парни красотой не блещут – обычные мордovorоты, а вот Арабелла – приятная цыпочка. Когда эта малышка идет по улице, вид сзади – просто закачаешься.

Сажусь за письменный стол владельца и закуриваю. Один коп остается дежурить снаружи, другой встает с внутренней стороны двери.

– Итак, детки, – начинаю я, – меня интересует, чем вы занимались вчера около полуночи?

Все трое переглядываются и снова демонстрируют удивление.

– Здесь были, – отвечает Пераччи. – Кегли сшибали. Куча народу нас видела. Спросите любого – подтвердят.

– О'кей, – говорю я. – Это я и хотел узнать.

Поворачиваюсь к полицейскому.

– Тогда в деле все ясно, – говорю ему и снова поворачиваюсь к троице. – А в какое время вы ушли отсюда?

Арабелла улыбается, как пай-девочка, и звонким голоском отвечает:

– Где-то в четверть первого. Правда, парни? Многие видели, как мы уходим. Эй, а вы чего молчите?

– О'кей, – говорю я. – Дело можно закрывать. – Нарочно делаю паузу. – Я обвиняю вас троих в убийстве Датча Сквиллы. Как вам это? Должен сказать, что вы сами себя выдали. Утром, отправившись к Датчу Сквилле на квартиру, мы нашли его в предсмертном состоянии. Кто-то трижды выстрелил ему в грудь из пистолета тридцать второго калибра. Он

промучился всю ночь.

Он умер у нас на глазах, но прежде успел кое-что рассказать. Мы узнали, как вы, покинув в четверть первого кегельбан, поехали к Сквилле – получать денежки за проделанную работу. Арабелла принялась с ним кокетничать и как бы невзначай вытащила у него из брючного кармана пистолет. Потом Пераччи дважды выстрелил в него, а Френси добавил третий выстрел.

Когда Сквилла умер, мы отправились к Джейку Марелли. Тот оцепенел от страха и выдал вас с потрохами. Марелли рассказал, что ограбление в «Мэйбери» было поручено вам троим, но вы решили сделать все чужими руками. Нашли, кому перепоручить дело. Непосредственный похититель облигаций должен был явиться к Марелли и сообщить, что вы их украли и прислали его сбыть товар.

Вы в это время развлекались в кегельбане и дожидались времени, когда можно будет поехать к Сквилле. Вы знали, что застанете его уже изрядно пьяным. Марелли нам поведал еще одну любопытную деталь. Оказывается, вы давно имели зуб на Сквиллу, считали, что он держит вас за шестерок, и грозились как-нибудь с ним расправиться. Вот так, ребяташки. Как пишут в газетах, дело раскрыто по горячим следам.

Арабелла с воплем вскакивает на ноги.

– Марелли – наглый вун! – кричит она. – Этот мерзавец не скажет правду, даже если ему заплатят. Ишь, захотел нас подставить! Сейчас я расскажу, как все было. В кегель-

бане мы вообще не появлялись. Если Марелли заявляет, что мы кому-то перепоручили кражу облигаций, он... лжесвидетельствует сразу по семидесяти пунктам. Я сама отвезла ему облигации, когда Френси мне их отдал. Вилли Пераччи включил пожарную сирену, чтобы Френси было удобнее влезть в квартиру. Говорю вам, у Шрибнера мы вообще не появлялись. Верно, ребята?

– Так оно и есть, – подхватывает Френси. – Я, мистер Коушен, еще от себя добавлю. Я расскажу, кто грохнул Датча Сквиллу, а Вилли с Арабеллой подтвердят. Это сделал Марелли. У Марелли целый год были терки с Датчем. Он считал, что вполне может быть главарем шайки. Он даже предлагал мне прошлым летом утопить Датча во время купания. Сам ухлопал босса, а теперь хочет повесить убийство на нас.

– Не исключено, что ты говоришь правду, – отвечаю я. – В квартире Сквиллы мы нашли носовой платок с инициалами Марелли. Сейчас я возьму у вас показания о вашем участии в краже облигаций из квартиры дома «Мэйбери». Потом мы возьмем за жабры Марелли. Но и вам троим ничего хорошего не светит.

Подробно записываю их показания, затем каждый ставит свою подпись. Вид у всех сильно испуганный, особенно у Арабеллы.

– Идемте, ребяташки, – говорю им и встаю. – Выведу вас отсюда, угощу выпивкой, а потом поедem в управление. Сержант, наденьте на них наручники.

Сидим в баре кегельбана, потягиваем виски с содовой. Арабелла оборачивается к двери, и с ней едва не случается припадок. В бар входят Датч Сквилла и Джейк Марелли.

Сквилла сразу направляется ко мне:

– Слушайте, мистер Коушен, как все это понимать? На кой черт меня утром приковали наручниками к кровати, пока я спал? Что это за спектакль?

– Прошу прощения, Датч, за доставленные неудобства. Мне понадобились показания от этой троицы по поводу их участия во вчерашнем ограблении в «Мэйбери». Я знал: если просто их обвинить, они заявят, что вчера были здесь и у них полно свидетелей.

Вот я и попробовал такой трюк. Запер вас в квартире, поехал сюда и обвинил их в вашем убийстве. Сказал, что Марелли выдал их с головой. Они тут же перевели стрелки на Марелли и признались в ограблении. Это послужило им алиби, но другого рода. То есть на момент вашего вымышленного убийства их в вашей квартире не было. Как вам это нравится, мистер Сквилла?

– Ну и дикари, – мотает головой он. – Вы когда-нибудь слышали что-то подобное?

– Самое скверное, Датч, что их показания делают вас с Марелли соучастниками преступления. Поэтому вы тоже поедете с нами... Ребятишки, допивайте – и в путь!

Провожая их до полицейского фургона. Копы хохочут без

умолку. Прежде чем подняться в фургон, Арабелла оборачивается и награждает меня очень грубым словом. Похоже, я совсем не понравился этой цыпочке.

Есть дамочки, которым никак не угодишь.

Обоймы хватило на всех Лемми Коушен

Может, кто-то из вас, парни, встречал меня раньше. Тогда вы должны знать, что я бываю до жути сентиментальным, когда дело касается дамочек. Стоит мне услышать голос какой-нибудь куколки, даже по телефону, я на глазах тупею и ищу, куда бы смыться.

В давние времена в провинциальном английском городке Стрэтфорд-на-Эйвоне жил интеллектуал по имени Уильям Шекспир. А времена были суровые. Сболтнете, будучи по-этом, что-то не к месту и не ко времени – пожалуйста на плаху. Палачу – заработок, публике – зрелище. Так вот, у этого интеллектуала столько всего понаписано про дамочек, что мои собственные мысли на сей счет нужны не больше, чем китайское рагу недельной давности. Даже и рта раскрывать не стоит.

Поэтому ограничусь замечанием вполголоса: то, что У. Шекспир не успел рассказать про блондинок, Джейки-Итальяшке пришлось познавать самостоятельно... но даже и тогда он ошибся. Не верите? Тогда выньте затычки из ушей и слушайте.

Джейки-Итальяшка (настоящее имя Джакомо Фантел-

ли) с теплотой посмотрел на цыпочку-гардеробщицу клуба «Шелковица». Когда она повернулась, чтобы повесить его шляпу, он за считанные секунды успел оценить ее ножки и фигуру.

«А милая куколка», – подумал Джейки. Может, как-нибудь он найдет время, чтобы познакомиться с ней поближе.

Он неспешно проходит по коридору до вращающихся дверей и оказывается на балконе, который тянется вдоль стен танцевального зала. К нему тут же подскакивает метрдотель, за спиной которого маячат трое официантов.

– Привет, Сальчи, – лениво поздоровался Джейки. – Есть меня не тянет. А вот виски сауэр не помешает.

– Сейчас принесут, мистер Фантелли, – ответил Сальчи.

Метрдотель быстро окинул взглядом танцевальную площадку, заполняющуюся людьми. Потом увидел бугорок под левой рукой Джейки-Итальяшки и вздохнул.

– Принеси ему большую порцию виски сауэра, – шепнул Сальчи одному из официантов. – Денег не бери и веди себя с ним учтиво. От этого парня можно всего ожидать.

Ширина балкона была фута четыре. Джейки положил руки на позолоченные перила, тянущиеся вровень с его талией, и оглядел публику на танцплощадке. Присутствующих дамочек он сразу же счел никудышными. Если они случайно поднимали голову и натыкались на его взгляд, Джейки слегка улыбался им. Это если они были одни. Если же их сопровождали, Джейки улыбался во весь рот, желая позлить кавалера.

Теперь расскажу, как он выглядел.

Высокий, худощавый, элегантный. Любил одеваться, его шмотки стоили дорого. Предпочитал шелковые носки. Рубашка и галстук – только модные. Широкие плечи, узкая талия, длинные стройные ноги. Двигался он легко и пружинисто, держа окружающее пространство под контролем.

Он умел и любил стрелять. Слева у него висела плечевая кобура из телячьей кожи (такую кожу получают из шкур мексиканских телят-полукровок). Стрелял он из маузера 32-го калибра, который мгновенно выталкивает гильзу.

Его пистолет не залеживался без дела.

Джейки взглянул на Сальчи. Тот покрылся потом и поспешил к непредсказуемому гостю.

– Послушай, Сальчи. Я не хочу ждать. Понял? Давай, парень, пойди и скажи, чтобы начинали представление.

Оркестр «Шелковицы», состоящий из чернокожих, послушно заиграл. Темпераментно, стараясь изо всех сил. Вступительная мелодия была в ритме свинга, заставляя дамочек покачивать бедрами. По балкону засновали клубные «хозяюшки», высматривая усталых деловых людей и отпуская шуточки. В это время суток усталый деловой человек мог позволить себе некоторую сентиментальность в общении с такой «хозяюшкой». Надеюсь, вы меня поняли?

Первый номер – выступление вышколенных певиц-танцовщиц «Шелковицы». Сначала они поют, затем исполняют шотландский танец, сдобренный ритмами и движениями га-

вайских танцев хула. Это приманка для немолодых посетителей. Потом девицы отходят в сторону, свет в зале гаснет. По ступеням спускается Франческа, освещенная голубовато-стальным светом прожектора, останавливается и вкрадчивым голосом начинает петь.

На ней облегающее атласное платье белого цвета с разрезом до талии, черные шелковые колготки и туфельки на шестидюймовых каблуках. Пение переходит в танец. Девушки повторяют ее движения. Говорю вам: эта дамочка умеет двигаться. Должно быть, парень, придумавший стандарты женской фигуры, вначале насмотрелся на Франческу.

Осветители включают еще два прожектора, направляя их лучи на нее. Подняв голову, она видит Джейки-Итальяшку, перегнувшегося через балконные перила. Он улыбается, поблескивая зубами.

Джейки плотно закрыл дверь гримерки.

– Привет, Фран, – сказал он, подходя к туалетному столику, за которым она сидела.

– Привет, Джейки, – ответила она. – Как поживаешь?

Он улыбнулся. Франческа заметила кончик его розового языка, облизавшего губы.

– Ты меня заводишь, Фран, – сказал Джейки. – В тебе есть все, что мне нравится. Кстати, как у тебя с Клэнси?

– Мог бы догадаться, умник, – усмехнулась Фран. – От такого парня, как он, так просто не уйдешь. Он сходит по

мне с ума и готов жестоко разобраться с каждым, кто будет увиваться вокруг. Понимаешь?

Она посмотрела на Джейки. Глаза певицы сверкали, губы были полураскрыты. Джейки-Итальяшка пристально на нее смотрел.

– Да, Фран. В какой-то книге я читал про эти жестокие разбирательства.

Порывшись в брючном кармане, он достал тонкий платиновый портсигар, открыл и вытащил две сигареты. Прикурил обе от зажигалки, обвитой золотыми полосками, и протянул одну сигарету Франческе. Она заметила его ухоженные ногти, покрытые подходящим телесным оттенком.

Джейки сел, глубоко затянулся и выпустил дым через одну ноздрю.

– Я вот о чем подумал, Фран. Если б не этот Клэнси, мы могли бы встречаться, как в былые времена. Я мог бы приударить за тобой. Было бы жаль, если бы с Клэнси вдруг стряслась какая-то беда. Он ведь неплохой парень и крутой гангстер. Только малость легкомысленный. Ты меня понимаешь?

Она кивнула:

– Я тебя понимаю, Джейки. В тебе есть что-то, что мне тоже нравится, но сейчас я не рискну. Клэнси учует, разозлится и существенно осложнит мне жизнь. Я из тех женщин, кто может любить только одного мужчину.

Она засмеялась. Следом засмеялся и Джейки.

Потом он встал и положил руки ей на плечи:

– Пока, малышка. Поеду на разговор с Большим Парнем. До встречи.

Когда куколка в гардеробе подавала ему шляпу, Джейки снова задержал на ней взгляд. М-да, было бы недурно как-нибудь заглянуть сюда и поближе познакомиться с этой малышкой.

Он неспешно вышел из клуба, остановил желтое такси и велел шоферу ехать по Риверсайду¹ до поворота на Сто сорок первую улицу. Давно перевалило за полночь. Доехав до места, Джейки расплатился с шофером и двинулся в сторону Гамильтон-Хайтс².

Подойдя к большому многоквартирному дому, он огляделся по сторонам и толкнул входную дверь. Ночной консьерж сделал ему под козырек и быстро поднял его на лифте на шестой этаж. Оказавшись там, Джейки прошел по коридору и постучал в дверь нужной квартиры. Через минуту дверь открылась. В передней была еще одна дверь, куда он постучал и, услышав разрешение, вошел.

Большой Парень сидел в шезлонге, читал газету и пил кофе. Джейки снял шляпу.

– Рад тебя видеть, – сказал Большой Парень. – Что тебя

¹ *Риверсайд* – шоссе на нью-йоркском Манхэттене, идущее по левому берегу Гудзона.

² *Гамильтон-Хайтс* – квартал Верхнего Манхэттена.

грызет, Джейки? Угощайся кофе.

Джейки налил себе чашку.

– Дела такие, босс, – начал Джейки. – Меня тревожит Клэнси. Беспечным он стал. Осторожность потерял. А ты знаешь: стоит ему перебрать, и язык у него становится без костей. И мне... не нравится мне это.

Большой Парень улыбнулся. Приятно так улыбнулся.

– Джейки, у тебя ведь другое на уме, – сказал он. – Вот уж не знал, что ты печешься о Клэнси. – Он снова улыбнулся, уже сочувственно. – Может, тебя заботит его куколка? Франческой ее звать, верно?

Джейки тоже улыбнулся:

– Может, оно и так.

Большой Парень снова наполнил чашку. Кофе он наливал очень аккуратно, чтобы не капнуть на стол. Сделав несколько глотков, он отставил чашку.

– Я сам не в восторге от Клэнси, – сказал босс. – Есть несколько парней, доставляющих мне головную боль. Сикальски из убойного отдела всю разыскивает Клэнси. Хочет допросить его по поводу стрельбы в «Антоне». Сикальски – парень настырный. Пожалуй, даже слишком настырный.

Большой Парень отхлебнул кофе, потом с той же тщательностью закурил сигару. Прошло не менее минуты, когда он снова заговорил:

– Джейки, ты ведь смысленный парень. Поэтому слушай

меня внимательно. Я понятным языком донес до Клэнси, чтобы он не показывался недели две или три, пока не утихнет шумиха вокруг «Антоня». И видаться с Франческой я ему запретил.

Но, видно, я Клэнси не указ. Мне вечером звонил Сальчи из «Шелковицы» и сообщил, что у Клэнси будет свидание в два часа ночи. Аккурат перед ее последним выступлением. Местом встречи они избрали пустующую комнату на первом этаже старого склада Шмидта. Это в переулке Баррел, в нескольких шагах от «Шелковицы».

Большой Парень глубоко затынулся.

– Самое интересное, – продолжил он, – что пистолет Клэнси лежит в гримерке у Франчески, в правом ящике ее туалетного столика. Я строго-настрого запретил ему шляться с оружием. Если полиция обнаружит огнестрел – других улик не надо. Франческа уломала его отдать ей пистолет на хранение. Таким образом, – улыбнулся Большой Парень, – отпечатки ее пальчиков окажутся последними на пистолете. Скорее всего, где-то без пяти два она выйдет из гримерки и покинет клуб через заднюю дверь, затем пройдет по Мартиндейл вдоль джутового склада и свернет в переулок Баррел. Их свидание с Клэнси будет недолгим – не более пятнадцати минут, поскольку в половине третьего у нее завершающее выступление. Ты понял ход моих рассуждений?

Джейки кивнул.

– Если кто-то войдет в два ночи в гримерку Франчески,

заберет ствол, не забыв предварительно надеть перчатки, потом отправится к складу, дождется ухода этой куколки, ухлопает Клэнси, а пистолет бросит возле тела... тогда, учитывая, что убийца сделает это в перчатках, отпечатки на рукоятке пистолета укажут на Франческу. Она станет последней, кто встречался с Клэнси. Сикальски тут же предъявит ей обвинение в убийстве.

Большой Парень снова потянулся к чашке и сделал еще несколько глотков.

– А дальше, – продолжал он, – если Франческа согласится внять разуму относительно тебя, Джейки... – Тут он снова улыбнулся. – Мы обеспечим ей алиби. Я позабочусь о том, чтобы убийство Клэнси повесили на кого-то другого. Ну, как тебе такой план, Джейки?

Джейки взглянул на свои часы в платиновом корпусе и улыбнулся.

– Ну и умный же ты человек, босс! – восхищенно произнес он. – Заметано. В четверть третьего я поговорю с ним на языке свинца. Огромное тебе спасибо, босс.

– И тебе спасибо, Джейки, – ответил Большой Парень.

В четверть третьего Джейки стоял в тени проема последней двери джутового склада и ждал появления Франчески. Еще через минуту он увидел ее бегущей к клубу. «Наверное, боится опоздать на выступление», – подумал он.

Джейки стремительно понесся по улочке Мартиндейл

до поворота на Баррел. Вблизи двери пустующего склада Шмидта он сунул руку в карман пиджака и вытащил пистолет Клэнси. Перчатка была удобной, не сдавливающей пальцы.

Он толкнул дверь склада, заглянул внутрь и... За ящиком, в луже крови, на полу лежал Клэнси. Парень был окончательно и бесповоротно мертв.

От изумления Джейки изогнул брови, опустив руку с пистолетом. Что за чертовщина!

– Эй, Джейки! – донеслось снаружи. – Хочу с тобой поговорить!

Джейки стремительно повернулся и увидел идущего к нему Сикальски. В дальнем конце переулка стоял полицейский фургон, окруженный четверкой копов.

Джейки перевел взгляд на Мартиндейл. В конце улочки стояли еще двое стражей порядка, поигрывая ночными дубинками.

Джейки улыбнулся. По-волчьи. Значит, Большой Парень продал его. Вот мразь!

За считанные секунды, пока Сикальски шел к нему, Джейки увидел всю схему подставы.

Франческа снюхалась с Большим Парнем, а его они облапошили, как сосунка.

Пока он ехал по Риверсайду, Франческа позвонила Большому Парню, и тот быстренько организовал подставу.

Сальчи послал кого-то из подручных – заманить Клэнси

на склад и там шлепнуть. Потом в нужное время позвонили в полицию и сообщили Сикальски, что Джейки собрался порешить Клэнси в переулке Баррел.

А Джейки-Итальяшка – парень, всегда старавшийся не замараться, – окажется крайним. На него повесят убийство Клэнси, а Франческа повиснет на шее у Большого Парня. Джейки вспомнились слова босса про нескольких парней, от которых у него головная боль. Теперь понятно: Джейки был одним из них.

Он поправил шляпу и пошел навстречу Сикальки.

– Привет, Сикальски, – произнес Джейки и что есть силы ударил лейтенанта полиции в живот.

Сикальски застонал от боли и упал.

Джейки повернулся и, словно заяц, припустил по Мартиндейл, на ходу доставая маузер. Двое копов побросали ночные дубинки и потянулись к кобурам.

Джейки дважды выстрелил, держа руку на уровне пояса. Для дистанции двадцать пять ярдов это была меткая стрельба. Одному копу он попал в живот, второму пробил колено. Этому он добавил пулю в лицо, прямо на бегу, для верности.

С Мартиндейл он перебежал на Эрмин-стрит, затем на Минетта-стрит. Сзади доносился вой полицейской сирены.

На перекрестке Минетта– и Томпсон-стрит Джейки прыгнул в такси.

– Выворачивай на Риверсайд и гони к Сто сорок первой, к Гамильтон-Хайтс, – с улыбкой скомандовал он шоферу. –

И давай без фокусов, иначе продырявлю тебе позвоночник. Жми на газ!

К дому Большого Парня Джейки подходил под вой полицейских сирен, становящийся все громче.

Ночной портье снова сделал под козырек. Увидев в руке Джейки пистолет, парень побледнел и вжался в стену у лифта, стараясь не дышать.

Джейки сам поднялся на шестой этаж и подошел к нужной двери. Тихонечко постучал. Дверь открылась. Не оставившаяся, Джейки прошел в гостиную.

Большой Парень все так же сидел в шезлонге, попивая кофе. Напротив, угощаясь джин-тоником, сидела Франческа.

Джейки провел в уме быстрый подсчет. На копов он потратил три пули. Обойма маузера вмещает десять. Значит, семь осталось.

– Джейки... – увидев пистолет, начал Большой Парень.

– Пасть закрой, гнида, – оборвал его Джейки. – Сейчас вы оба получите по заслугам. Устроили мне подставу и думали, что я не выберусь? Ошиблись.

Джейки посмотрел на Франческу. Та сделалась мертвенно-бледной.

– Ну что, дамочка? Спектакль вот-вот начнется, и ты в нем поучаствуешь. Занавес!

Он с наслаждением прострелил Большому Парню левое легкое, затем правое. Третий выстрел направил в живот, а

четвертый – в сердце. Все это время Джейки без умолку смеялся и потому даже не слышал воплей Франчески.

Разобравшись с Большим Парнем, он повернулся к ней. К этому времени Франческа успела сползти на ковер, продолжая кричать. Джейки трижды выстрелил ей в сердце, после чего отшвырнул пистолет с пустой обоймой и вышел из квартиры.

Спустился он по лестнице, на ходу поправляя галстук и шляпу. Джейки нравилось, когда она сдвинута чуть набекрень.

В вестибюле его терпеливо ждали Сикальски и семеро копов. Увидев у них автоматы, Джейки-Итальяшка улыбнулся.

Он пошел к Сикальски, вытянув руки перед собой. Пусть все видят, что он безоружен и не собирается устраивать фокусы.

– Привет, Сикальски. Извини, что пришлось въехать тебе по брюху.

Сикальски улыбнулся. Лоб лейтенанта блестел от пота.

– О'кей, Джейки. Только на этот раз тебе не вывернуться. Крупно ты себе подгадил, парень. Электрический стульчик тебе обеспечен. Давай на выход.

– Не возражаю, – ответил Джейки. – Я удовлетворен.

Сикальски сам защелкнул на нем наручники. Потом достал сигарету и закурил. Копы молча переглядывались. Они и представить не могли, чтобы Джейки так легко сдался.

– Один момент, парень, – сказал Сикальски. – Я никак в толк не возьму: за что ты ухлопал на Мартиндейл двух коп-пов? Перевидал я вашей публики немало, но с такими странностями сталкиваюсь впервые.

– Значит, раньше не видел ничего подобного? – усмехнулся Джейки.

– Нет. Когда увидел тебя входящим на склад, подумал, что ты уже знаешь про Клэнси. Я как раз собирался тебе рассказать, что он мертв. Быть может, ты уже слышал.

– О чем? – спросил Джейки, в голове которого зашевелилась отвратительная мысль о допущенной ошибке.

Пояснение он получил уже на улице, пока его вели к полицейскому фургону.

– Весь вчерашний день я висел у Клэнси на хвосте, – сообщил Сикальски. – Когда он отправился на склад, я пошел туда же. У меня к нему была куча вопросов о стрельбе в «Антоне». Едва я вошел, он потянулся за пистолетом. Разговора не получилось. Я был вынужден его застрелить.

Джейки-Итальяшка поднялся в полицейский фургон.

– Ты почему хохочешь во все горло? – спросил изумленный Сикальски.

Пока, герцогиня!

Лемми Коушен

Вот что я вам скажу, ребяташки. Кто-то из вас влюблялся, кто-то еще и не нюхал любви, но поверьте мне на слово: понять, что дамочка задумала, и самому не дать маху – задача не из легких. Это все равно что съесть арбуз, не забрызгав своих ушей.

Но когда я впервые увидел эту герцогиню, то сразу понял: теперь все прочие дамочки будут для меня похожи на прокисшие маринованные огурцы. Природа наделила ее всем. Высокая, гибкая, глаза как бриллианты. Зубы как у девицы с рекламы зубной пасты. По-английски она говорила с акцентом, но приятным и мягким, как бархат. Нет, мягче бархата.

Немного очухавшись после созерцания такой красоты, я приступил к разговору:

– Послушайте, герцогиня, быть может, в вашей стране все обстоит не так, но Чикаго остается верен себе, что бы ни утверждали путеводители. Возможно, комиссар полиции не так уж ошибался, когда назвал глупостью ваше решение войти в число попечителей конкурса красоты, который устраивает Датч Балаццо. Этот парень – прожженный мошенник, хотя нам никак не удастся схватить его за руку. До отмены сухого закона он промышлял торговлей пивом, а после

сменил род занятий на похищение людей. Убийство тех, кто встает у него на дороге, для Балаццо что-то вроде отдыха. Он опасен. Его словам нельзя верить. Он охотится либо за вашими деньгами, либо за вашими драгоценностями, а то и обдумывает ваше похищение с целью выкупа. Вашей стране придется так растряссти казну, что при составлении бюджета на следующий год там недосчитаются пяти долларов и двух военных кораблей. Поэтому меня направили к вам с приказом находиться рядом и следить, чтобы Датч не устроил какой-нибудь трюк.

– Мистер Коушен, – улыбнувшись, говорит она, – это есть очень хорошо. Я должна чувствовать себя погруженной... нет, окруженной безопасностью. Но вы очень ошибочны насчет мистера Балаццо. Такие люди у вас называются гангстерами, однако согласитесь, что он очень обаянный... нет, обязательный. Я собираю материал для будущей книги об американцах. Изучаю разные типы. И типаж мистера Балаццо мне интересен. Он не намерен скрывать об этом конкурсе красоты. Он питается большими надеждами на победу его молодой претендентки, только и всего. Он очень, как у вас говорят, прямолинеен. Сегодня он принес призовые деньги. Двадцать тысяч долларов. Они лежат в сейфе отеля. Поэтому все честно и открыто. Никакого двойственного дна. Что вы на это скажете, мистер Коушен?

Я встаю:

– Леди, во всем, что связано с Датчем Балаццо, может

быть не только двойное, но и тройное дно. Я советую вам, герцогиня, быть предельно осторожной. Сдается мне, что на этом конкурсе красоты обязательно случится какая-нибудь пакость.

Она протягивает мне свою маленькую, нежную ручку, которую я с удовольствием пожимаю. Потом смотрит так, что я чувствую себя на миллион долларов.

Вообще-то, забавная ситуация, поскольку на герцогинь я еще не западал.

Датча Балаццо я нахожу в салуне на углу улиц Кларк и Пибоди. Он поит попугая виски и одновременно учит птицу ругательствам. Попугай произносит словечки таким сладким голоском, что какой-нибудь младший чин у военных моряков грохнулся бы в обморок от зависти.

Хватаю Балаццо за руку и тащу в угол зала:

– Слушай, прохиндей, ты мне сейчас выложишь все про этот конкурс красоты, иначе я применю к тебе совсем иные методы воздействия. Разве ты не знаешь, что эта дамочка – герцогиня Зальцбурген-Биденбадская? У себя в стране она занимает очень высокое положение. Если с ней что-нибудь случится, вспыхнет война между Сиамом и Исландией, после которой какой-нибудь хмырь, нажившийся на военных поставках, монополизирует рынок по производству снежков. К тому же она красивая женщина и никак не заслуживает, чтобы ее облапошивал бывший торговец дерьмовым пивом,

то есть ты. Теперь рассказывай про свою затею с конкурсом.
Он всплескивает руками:

– Мистер Коушен, вы же меня знаете. Я не настолько туп, чтобы затевать какие-то мутные дела, когда вы крутитесь рядом. Сейчас расскажу, как все было. Герцогиня приехала читать лекции и собирать материал. Книгу она будет писать про разные типы американцев. И вот торчу я в одном ночном клубе, подпираю стенку и думаю о своих делах. Вижу: туда пожаловал комиссар полиции О’Флаэрти с этой дамочкой. Он подводит герцогиню ко мне, знакомит и говорит: «Мистер Балаццо – типичный американский гангстер, настолько тупой, что думает, будто горилла – это приспособление для копчения селедки». Я тут же ответил, назвав себя жертвой непонимания, поскольку я помешан на красоте. Пока дамочка хлопает ресницами, а комиссар думает, какую бы еще гадость про меня выдать, я начинаю рассказывать про свой замысел. Так, мол, и так, я хочу устроить грандиозный конкурс красоты, в котором могут принять участие женщины от пятнадцати до сорока лет. Единственное ограничение – кривые ноги. Я, конечно, умолчал про то, что уже знаю имя победительницы. Ею станет моя девчонка Рене де ля Зуш. Для вас, мистер Коушен, – Лиззи Каллаган с Кларк-стрит.

Тут герцогиня расплывается в улыбке. Говорит, что ей очень нравится мой замысел и она мечтает взглянуть на коллекцию чикагских красавиц. Я ей тут же предлагаю стать судьей конкурса, и она с ходу соглашается. Тогда О’Флаэрти

делает кислую физиономию и грозит упрятать меня на четыре тысячи лет, если я только позволю себе какие-нибудь махинации. Я отвечаю, что в доказательство своих честных намерений пришлю герцогине весь призовой фонд – двадцать тысяч зеленых. Пусть хранится у нее, и пусть она убедится, что я парень честный, а не какой-нибудь прохвост, способный выковырять золотую пломбу из зуба спящего ребенка.

– О'кей, – говорю я, подустав от его разглагольствований. – Но учти, Балаццо, смухлюешь – я найду, за какие прошлые грешки отправить тебя на электрический стул. Мы еще встретимся.

Закуриваю и двигаю в гости к Фину Сквилле, что обитает возле Трансдинской верфи. Этот малый иногда бывает разговорчивым. Он много чего знает, а то, о чем он не знает, уместится на одной стороне десятицентовика.

Застаю его в дальней комнате. Он пытается вспомнить, куда вчера вечером запихнул свою жевательную резинку.

– Привет, Фин. Что ты знаешь про конкурс красоты, затеянный Балаццо? Это подстава или как? Или он действительно хочет устроить все по-честному?

– Я так скажу, мистер Коушен: я по натуре не доносчик, но на Датча Балаццо у меня зуб с тех самых пор, как он добавил типографскую краску в пиво, которое я делал. Сами понимаете, какой после этого у пива был вкус. Пришлось продавать эту дрянь как лекарство от ревматизма. Про конкурс

я ничего не знаю, но думаю, вы и сами сомневаетесь насчет честности затеи.

Пораскиньте мозгами. Балаццо арендовал под конкурс «Джеральдин-холл» на Пембери. Тысяча четыреста дамочек решили, что их личики неотразимы, и готовы заплатить по десять долларов за право участия. Это уже четырнадцать тысяч. Зрителям за вход придется выложить по пять долларов. Зал вмещает всего тысячу, а парни Балаццо продали десять тысяч билетов. Значит, девять тысяч человек получают шиш без масла. Балаццо, поди, считает, что его затея наделает невероятный шум. Кому-то покажется, будто снова началась гражданская война. Естественно, главари шаяк не захотели оставаться в стороне. Вилли Фандиго – прощелыга из северной части города – записал на конкурс свою девчонку, а еще сестру и тещу. Багс Рафферти – этот промышляет в районе верфи – решил, что в конкурсе будут участвовать две его тетки и бабушка. Итальяшка Шульци пошел еще дальше. У него клуб на Двенадцатой улице. Так он намерен притащить выводок своих танцовщиц. Говорю вам: эти парни не позволят ставленнице Балаццо выиграть. Скорее они устроят новую революцию. Вот так.

Киваю, потом закуриваю и ухожу. Лично мне затея Балаццо очень не нравится. Тревожусь я за герцогиню. Такое ощущение, что в «Джеральдин-холле» произойдет какая-нибудь заварушка и, пока полиция будет с ней разбираться, герцогиню спокойно похитят. Вы меня понимаете?

И тут у меня появляется идея.

Отправляюсь в клуб «Каррауэй», где у меня состоится очень серьезный разговор с Ферном Дэли.

– Вот что, Дэли. Я тебя знаю как облупленного, – говорю ему. – У тебя изготовление фальшивых денег и ценных бумаг организовано лучше, чем у кого бы то ни было. Не дергайся, сегодня я не собираюсь тебя арестовывать. Если хочешь, чтобы этого не случилось, надо малость подсуетиться. К шести часам вечера ты пришлешь мне в отель двадцать тысяч фальшивых долларов. Они должны быть очень высокого качества, и тогда, быть может, я временно закрою глаза на твои художества. Тебе все понятно, Дэли?

Он отвечает утвердительно и обещает к объявленному времени прислать первоклассные фальшивки.

Выйдя из клуба, заглядываю в аптеку и оттуда звоню Меффлету. Этот парень работает главным фотографом в газете «Ивнинг стар энд трибьюн».

– Меффлет, окажите мне небольшую услугу. У вас есть фото всех участниц предстоящего конкурса красоты. Меня интересуют подружки гангстеров или цыпочки, крутящиеся возле шаек. Остальные не нужны. Повторяю: нужны лишь гангстерские подружки. Если какие-то снимки не слишком новые, ничего страшного. Главное, соберите их. Понятно?

Меффлет – парень понятливый. Обещает все сделать, как я прошу.

Заказываю себе виски с содовой и напряженно думаю.

Безопасность этой милой герцогини требует моего всеобъемлющего внимания. Фотографии мне подскажут, какие шайки решили погреть руки на конкурсе красоты.

К полуночи приезжаю в отель, где остановилась герцогиня. Вызываю управляющего, показываю ему свой жетон агента ФБР и объясняю суть дела. Идем в помещение, где у них хранится все ценное. Управляющий открывает сейф, достает двадцать тысяч долларов призовых денег, присланных Балаццо, а на их место мы кладем фальшивые денежки Ферна Дэли в купюрах по пятьсот и тысяче долларов. Настоящие деньги управляющий прячет в свой личный сейф.

Оттуда возвращаюсь в свой отель и начинаю разглядывать присланные Меффлетом фотографии. Потом звоню в городскую ратушу, представляюсь ночному дежурному и прошу прислать мне план «Джеральдин-холла», хранящийся в топографическом отделе. Мой интерес к конкурсу красоты только возрастает.

Столпотворения мне не в диковинку, но происходящее на подступах к «Джеральдин-холлу» превосходит их все. Датч Балаццо затеял свою авантюру с размахом. На бульваре, у самого начала Джеральдин-стрит, собралась одиннадцатитысячная возмущенная толпа купивших билеты. Они готовы взять «Джеральдин-холл» штурмом. Полиция отчаянно сопротивляется. Копы стянули сюда четыре отряда по борьбе с уличными беспорядками.

Первую тысячу счастливицков проводят через заднюю дверь, которая давно была заложена кирпичами и лишь сегодня вновь стала открываться. Там оказывается, что нужно снова платить за вход. Сдачу подручные Балаццо выдают исключительно фальшивыми деньгами.

Я сижу у дальней части сцены, когда от комиссара полиции поступает сообщение с настоятельной просьбой к герцогине поскорее закончить конкурс и вручить приз, иначе снаружи разразится настоящая война. Балаццо куда-то исчез. Разбежались и его парни, продававшие билеты.

Это сообщение герцогине принес кто-то из полицейских. Прочитав его, она встает и идет к сцене. Видели бы вы, как движется эта дамочка! Встав посередине, она произносит со своим очаровательным акцентом:

– Мои дорогие друзья, я с огромным удовольствием вручаю этот приз (она поднимает конверт с деньгами) нашей...

В этот момент люк, на котором она стоит, открывается, и герцогиня проваливается вниз.

– Они ее похитили! – орет полицейский у меня за спиной. – Они похитили герцогиню!

Я не двигаюсь с места и просто закурываю очередную сигарету.

Сижу на краешке стола в кабинете комиссара полиции и смотрю на герцогиню. Выглядит она сногшибательно и улыбается, словно ей нравится мое внимание.

– Знаете, комиссар, Балаццо придумал недурной трюк, только он провалился. Меффлет прислал мне фото участниц конкурса, и среди них я нашел снимок женщины, внешне похожей на герцогиню, но блондинку. Я вспомнил эту дамочку. Одно время она крутила с Балаццо, а прошлой осенью уехала в Европу. Зовут ее Мэри Грин.

Сегодня она появилась в зале, и все приняли ее за настоящую герцогиню, приехавшую собирать материал для книги. Замысел был прост: Балаццо вручает ей конверт с двадцатью тысячами долларов. Вроде бы никакого подвоха. А пока обманутая публика пытается пробиться в зал и возникает суматоха, она проваливается в люк. Мы начинаем искать похищенную герцогиню, а Мэри Грин достаточно смыть краску с волос, и можно спокойно возвращаться на Кларк-стрит. Поняли? Все чисто, не подкопаешься.

У меня появилась мысль, что герцогиню похитят, чтобы завладеть деньгами, и я подменил настоящие доллары фальшивыми. Настоящие преспокойно себе лежат в личном сейфе управляющего отеля. А когда я увидел старый снимок, присланный Меффлетом, то отправил пару копов в угольный подвал в задней части «Джеральдин-холла». Я знал, что Мэри побежит туда.

Встаю и прощаюсь с комиссаром.

У двери оборачиваюсь.

– Пока, герцогиня, – говорю я, улыбаясь ей. – Загляните ко мне как-нибудь!

Ловко придумано Лемми Коушен

Стою я себе на третьем этаже управления полиции, смотрю в окно – и вдруг на противоположной стороне улицы вижу Зинзу Гринго.

Смышленная цыпочка, и внешностью не обижена. Боевая подруга Фрэнка Ритти.

Пока слежу за ней, вижу идущего навстречу Вилли Сидку. Он проходит мимо Зинзы и идет дальше, а она поворачивается и хвостом увивается за ним.

Выскакиваю в коридор, где на стене висит телефон, звоню в детективное бюро этажом ниже и прошу позвать О'Халло-рана.

– Привет, Терри. Только что из окна видел Зинзу Гринго и Вилли Сидку. Если эти ребяташки не собрались где-то о чем-то сговариваться, тогда я кривоногая старая дева. Садись им на хвост. Зинза не просто так пошла с ним. Когда эта цыпочка обхаживает какого-нибудь парня, я носом чую готовящееся преступление.

Терри соглашается выполнить мою просьбу.

Закуриваю, вызываю лифт и спускаюсь вниз. На улице замечаю, что меня поджидает Вилли Сидка. Он подходит. Вид как у невинного младенца.

– Дела такие, мистер Коушен, – говорит он. – Вы знаете, я копам на своих дружков не стучу. Но сейчас чутье мне подсказало: надо с вами поговорить, не то в городе снова произойдет убийство.

Прошу его разъяснить, что к чему.

Сидка говорит, что совсем недавно ему случайно попала на улице Зинза Гринго, вся такая взбудораженная, и поделилась с ним новостью о своем дружке Фрэнке Ритти. Оказывается, Ритти ее бросил ради другой дамочки и она хочет ему отплатить по заслугам.

Интересуюсь, каким образом она собирается это сделать.

По словам Сидки, Зинза знает, что раньше та дамочка крутила с Твистом Мэлони, а Твист не любит, когда парни вроде Ритти уводят его подружек. Ритти это знает и поэтому предложил Твисту встретиться с ним сегодня, в десятом часу, на Арминетта-стрит, за гаражом Калута. Дескать, хочет предложить Мэлони вместе взять банк. На самом деле он намерен шлепнуть Твиста.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – спрашиваю я.

Сидка глуповато улыбается:

– Зинза предложила сообщить вам. Раз Ритти ее бросил, она бы не прочь, чтобы его сцапали.

Я быстро прокручиваю в мозгу варианты и задаю новый вопрос:

– И кто та дамочка, ради которой Ритти помахал ручкой Зинзе?

Сидка задумывается. По его мнению, это продавщица из магазина «Грегори», продающего грампластинки.

Благодарю его за сведения, и он исчезает.

Возвращаюсь в управление. Через пять минут звонит О'Халлоран. Он висел на хвосте у Зинзы до самого ресторана «Фредерик-грилл», где она заказала себе роскошный ланч. Прошу Терри тихо переговорить с метрдотелем и сделать так, чтобы выполнение ее заказа растянулось на максимально долгое время. Немногословный Терри отвечает коротким «да».

Звоню на Центральную улицу и прошу немедленно отправить машину в Пелл за карманным воришкой Джейком по прозвищу Пальчик. Потом пусть едут к магазину «Грегори» и дожидаются меня там.

Надеюсь, вы уже поняли, что мне эта история Вилли Сидки насчет Зинзы и Ритти кажется жутко подозрительной.

Беру такси и еду в магазин грампластинок «Грегори». Завожу разговор с продавщицей. Очень приятная дамочка. Есть на что посмотреть.

Ненароком спрашиваю, хорошо ли она знает парня по фамилии Ритти. Дамочка отвечает: да, знает, но лишь как покупателя. Теперь понятно, почему Вилли мешкал с ответом, когда я спросил имя новой подружки Ритти. Имени он не знал и назвал первую особу женского пола, о которой вспомнил. Благодарю продавщицу и ухожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.